

18+

Ирина Зорина

ТЫ ИЗ МОИХ СНОВ

Ирина Зорина

Ты из моих снов

«Издательские решения»

Зорина И.

Ты из моих снов / И. Зорина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553885-7

Иногда души связаны так крепко, что вопреки расстоянию притягиваются друг к другу. Эмма и Макс встретились десять лет назад, после чего расстались, возможно, навсегда. Их жизнь была бы безоблачно однообразной, если бы непокорные души не нашли путь — зыбкую, призрачную тропу сквозь сны. Сновидения волновали, подталкивали к размышлениям, к действиям. К чему приведут поиски Эммы и Макса? Смогут ли они обрести счастье, ведь, чтобы стать счастливыми, им придется причинить боль другим людям.

ISBN 978-5-00-553885-7

© Зорина И.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

ТЫ ИЗ МОИХ СНОВ

Ирина Зорина

Редактор Тамара Александровна Суботко

Корректор Тамара Александровна Суботко

© Ирина Зорина, 2021

ISBN 978-5-0055-3885-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1

– Он мне снится.

– Кто? – Виктор недоуменно взглянул на подругу.

– Парень из автобуса.

– Та-а-к, – закрыв глаза и поморщась, мужчина провёл ладонью по лбу, отбросил упавшие на лицо длинные курчавые волосы и вновь уставился на Эмму, – ты вообще в курсе, что я впервые слышу об этом автобусном парне? Давай-ка чуть подробнее, если хочешь, чтобы я улавливал суть.

Эмма – худенькая молодая женщина лет тридцати с милым, почти детским личиком и большими медово-карими глазами – облокотилась на спинку облезлого плюшевого кресла. Её взгляд быстро обежал небольшую, заставленную древней рухлядью комнатку друга и остановился на книжном шкафу.

– Эта история скорее для романов, чем для реальной жизни. Если расскажу, ты подумаешь, что я сумасшедшая.

– Позволь мне решать самому, какие делать выводы.

Эмма зашевелилась в кресле, в раздумье подняла голову и коснулась тонкими пальцами губ, словно опасалась, что слова сорвутся с них раньше, чем она позволит им это сделать.

– Ладно, ты пока соберись с мыслями, а я чай поставлю. Чувствую, разговор не на пять минут.

Виктор поднялся со старенького, ещё советских времён дивана и, косолапо переставляя ноги, направился в кухню.

Эмма и Виктор познакомились в 2007 на ЦТ по русскому языку. Им тогда было по восемнадцать лет. Они разговорились о какой-то ерунде, а через пару месяцев не без удивления обнаружили, что будут учиться не только в одном университете и на одном факультете, но и в одной группе. Филологи по образованию, ни Виктор, ни Эмма по специальности не работали. Сразу после окончания университета Эмма устроилась актрисой в драматический театр, Виктор – ведущим на радиостанцию. Дружба оборвалась на шесть лет.

Однажды ненастным осенним днем, когда окна заливал холодный дождь, а озябшие деревья вздрагивали почерневшими от влаги полуголыми ветками и заунывно качались под натиском ветра, Эмма, вспомнив о старой дружбе, решила написать Виктору. Он ответил сразу, тепло и приветливо. Они начали общаться вновь так же легко и непринуждённо, словно и не было этих шести лет.

– Держи, – Виктор вошёл в комнату с двумя дымящимися кружками и протянул одну Эмме, – смотри осторожнее, чай очень горячий, – он вновь расположился на диване. – Если хочешь поделиться, я к твоим услугам.

Эмма поднесла горячую кружку ко рту. Напиток обжег губы.

– Наверное, и правда стоит облегчить душу, – девушка подняла глаза на Виктора. Глаза улыбались, но печально, сиротливо. – Я уже измучилась бороться с этим в одиночку.

– Валяй. На весь этот вечер я твой.

– Что ж, начну сначала.

– Это будет правильнее всего.

– Я училась на втором курсе. В тот год зима стояла снежная, морозная. Сессия закончилась, я ехала домой в Лоев на каникулы. День был пасмурный. Холодный ветер пробирал до костей. Дороги были завалены влажной снежной кашей мерзкого коричневого цвета. Я жила

на Солнечной. Не хотелось ехать через весь город на вокзал, и потому решила попытать счастья и остановить автобус на выезде из Гомеля. Зажав в одной руке сумку, в другой трепыхающийся на ветру билет, я стояла на безлюдной остановке и притопывала на месте, чтобы хоть немного согреться. Завидев автобус с табличкой на лобовом стекле «Гомель-Лоев», я начала размахивать белым клочком бумаги. Автобус остановился.

– Девушка, на вокзале садиться нужно, я вам не маршрутное такси, – недовольно буркнул водитель.

– Спасибо, что подобрали. И простите, пожалуйста, – выпалила я и шмыгнула в салон.

На меня устремились пару десятков недовольных, осуждающих, равнодушных взглядов. А ты знаешь, как я не переношу повышенное внимание к своей персоне. Все места были заняты. Ощущая себя провинившейся школьницей, я не стала выяснять, кто уселся на моё место, и просто двинулась в конец автобуса. Когда я уже была почти в хвосте салона, почему-то замешкалась, по-моему, за что-то зацепилась сумка. Автобус резко тронулся, и я почувствовала, что падаю. Вдруг чьи-то руки подхватили меня и посадили на сиденье. Смущенная, я повернулась к своему спасителю, чтобы поблагодарить, но слова застряли в горле. Это было подобно разряду тока, молнии. На меня смотрели светло-голубые глаза. Сердце захлебнулось необъяснимым чувством. Это нечто сродни узнаванию. Какая-то незримая связь. Словно я всю жизнь шла к этой встрече.

– Я – Макс, – парень улыбнулся.

– Я – Эмма.

– Необычное имя, – он смотрел так внимательно, казалось, сканировал моё лицо. – А ты смелая. Не боялась, что водитель не остановится?

– Боялась. Но страх промочить ноги оказался сильнее.

– Вот как, – Макс коротко рассмеялся. – Куда направляешься?

– Домой к родителям. А ты?

– К другу на свадьбу.

Он помолчал пару секунд. Я задвинула сумку под сиденье.

– Слушай, такое чувство... твоё лицо кажется мне знакомым, – сощурившись, проговорил он.

– Может, мы уже встречались?

– Не думаю. Я никогда раньше не был в Лоеве. Да и в Гомеле только пару раз, когда ещё в школе учился. Ты часто бывала в Минске?

– Один раз.

– Значит, вероятнее всего, до настоящего момента мы не виделись. Тут нечто другое...

Мы проговорили всю дорогу – два часа. Когда автобус прибыл на место назначения, уже стемнело. Было холодно. Под ногами хрустел снег. Из носа и рта вырывались клубы белого пара. Мы пошли вместе под тусклым светом висевших высоко над головой зелёных, точно яблоки, фонарей.

– Пахнет снегом, – сказал Макс, – чувствуешь?

– Да. Наверное, скоро начнётся метель.

Из-за угла вывернулась машина, ослепив нас ярким светом жёлтых фар. Она с рёвом помчалась по улице. Поравнявшись с нами, автомобиль взвизгнул тормозами и остановился. Дверь открылась, показалась рыжая взлохмаченная голова.

– Максим, ты? Чего на вокзале не подождал?

– Решил пройтись, – отозвался Макс, направляясь к автомобилю. Затем обернулся, помаhal мне рукой, – было приятно познакомиться.

Я кивнула. Он скрылся в тёмном салоне авто. Машина покатила по дороге.

Вдруг пошёл снег, густой, мягкий. Он сыпался на мои ресницы, щёки, плечи, тёплые варежки. А я смотрела на него, не двигаясь с места, и была так глупо, по-детски счастлива. Мы

не обменялись номерами телефонов, я не знала ничего, кроме имени этого парня, но не чувствовала разочарования или сожалений. В тот момент я ощущала совершенно беспочвенную и в то же время незыблемую уверенность в том, что мы обязательно встретимся снова.

– И как? Вы встретились? – спросил Виктор, который уже допил свой чай и лениво развалился на диване.

– Да. Через год.

– Хм, погоди, выходит, это на третьем курсе было. Ты же тогда с Юриком встречалась, если мне не изменяет память.

– Ага, и бросила я его тоже на третьем курсе. Ты тогда расспрашивал, с чего это я так резко решила с ним порвать. А я не захотела объяснять.

– Да ладно, – Виктор подскочил на диване и хлопнул себя ладонью по бедру, – из-за того парня?

– Именно, – улыбнулась Эмма.

– Так у вас с ним было что-то?

– Совершенно ничего. Весной я ездила в Минск на пару дней. Однажды, подходя к платформе метро, я увидела его со спины: тёмные волосы, светлый плащ, прекрасно сидящий на крепких плечах. Сердце начало колотиться, как сумасшедшее. В туннеле загудел приближающийся поезд. Макс обернулся. Я увидела его лицо: прямой нос, твёрдый подбородок, густые тёмные брови, светлые, почти бесцветные глаза. Внутри что-то треснуло, хлынуло в грудную клетку. Ноги стали ватными. Я не могла пошевелиться. Поезд остановился. Макс исчез за раздвижными дверями. Я видела, как он прошёл к свободному сиденью, и поезд умчался прочь.

– История так история, – протянул Витя. – А чего решила с Юрой расстаться? Мне казалось, у вас любовь.

– Мне тоже так казалось. Не знаю, как объяснить. Увидев Макса, я поняла, что столкнулась с чем-то большим, чем симпатия, и мне представляется, даже большим, чем любовь. Это чувство сильнее всего, что я испытывала в жизни. Оно и есть жизнь, её смысл, первопричина всего. Этому нет названия, или я просто его не знаю. В тот момент стало ясно – с Юрой ничего не выйдет, поэтому мы и расстались.

– Ты чувствуешь это до сих пор? Сколько уже, десять лет прошло с вашего разговора? Правильно?

– Да, десять лет, – Эмма поставила пустую кружку на маленький журнальный столик, поднялась на ноги и зашагала по комнате. – Ты решишь, что я ненормальная. Не стоило начинать этот разговор.

– Слушай, успокойся, – Виктор взял её за руку, – ты кажешься ненормальной сейчас, когда не позволяешь себе чувствовать то, что чувствуешь, когда не даёшь себе быть собой. Ещё секунду назад всё было идеально. Присядь.

Эмма опустила на диван рядом с другом. Её руки безжизненно упали на колени.

– Я думала, со временем всё пройдет. Как говорят, время ведь лечит. Когда встретила Диму, была убеждена, это та самая любовь. Влюблённость подобная вспышке. Весь мир померк, он заменил собой мир. Мы поженились через два месяца после знакомства. Прошло почти восемь лет. Мы до сих пор любим друг друга. Конечно, это уже не та страсть, которая была в первые месяцы после свадьбы, но это глубокое, сильное, преданное чувство, которое можно было бы пронести через всю жизнь, если бы...

– Если бы не нечто большее, чем любовь.

– Да. На самом деле это чувство мешает мне жить. Если бы не оно, моя семейная жизнь была бы совершенной. Сколько раз я пыталась забыть его. Это даже удавалось. Но каждый раз, когда я уже парила на крыльях семейного счастья и была уверена, что мне не нужен никто кроме мужа, Макс мне снился. Это как заноза в сердце: нарывает, болит, но никак не вытащить.

– А Дима знает?

– Конечно, нет. До сегодняшнего дня об этом безумии не знал никто, – Эмма посмотрела на друга с мольбой. – Вить, будет у меня когда-нибудь всё, как у обычных людей?

– Нет.

– Почему?

– Потому что ты никогда не будешь обычной.

Глава 2

– Смотри в окно! Смотри же скорее! – Макс дёрнул невесомую тюлевую занавеску. Она всколыхнулась и отлетела прочь.

– Как же лень подниматься, – Эмма, раскинув руки, растянулась на мохнатом покрывале. – Что там?

– Нет, ты должна сама это увидеть. Вставай же, – глаза мужчины возбуждённо блеснули. – Такое среди зимы! Совершенно невероятно!

– Что же там такое? – Эмма поднялась на ноги, подошла к окну. В лицо ударил тёплый солнечный свет.

Оливково-серые ветви растущей под окном яблони были усыпаны крупными, нежными, перламутровыми цветами.

– Яблоня зацвела среди зимы, Макс! Это же чудо!

Они толкнули деревянную раму, окно распахнулось. Холодный сладковатый цветочный аромат, напитанный солнцем и свежестью, ворвался в комнату. Эмма протянула руку и коснулась пальцами цветов. Ветка упруго качнулась.

– Взгляни, там дальше яблоня тоже в цвету! – воскликнул Макс.

– И вот тут, – девушка указала рукой на деревце, растущее чуть левее.

– Это наша любовь. Любовь, не поддающаяся законам природы.

Эмма вздрогнула и открыла глаза. В комнате было темно. Рядом безмятежно сопел муж, прижимаясь к её руке тёплой широкой спиной. Девушка потянулась за телефоном. Пять двенадцать утра. Сна не было. Она уставилась в чёрный потолок. Пару недель назад Эмма окончательно решила больше не допускать мыслей о Максе, жить настоящим. План почти удался. Что теперь? Начинать сначала? Она убрала руку, прикасающуюся к спине мужа. Не покидало стойкое ощущение предательства: предательства мужа, первой любви или себя самой – она уже не могла точно определить, кого предаёт и предаёт ли на самом деле.

Эмма встала с постели и направилась в кухню. Освещённый оранжевым фонарём пол рассекали тени колышущихся на январском ветру опушённых снегом ветвей. Девушка, не зажигая света, села на стул у стены.

Ей вдруг стало неприятно принадлежать кому-то, словно она чья-то собственность. Почему один человек имеет больше прав на кого-то, чем другой? Лишь потому, что у него есть штамп в паспорте? Немного чернил и бумаги – и вот ты уже имущество такого-то гражданина. Он безраздельно властвует твоим телом и чувствами. Он заполучил тебя до конца дней. Любое отклонение от общепринятого верного образа действий, чувств и даже мыслей может расцениваться как неверность, вероломство.

Эмма поднялась со стула и шагнула к окну. Ей вдруг перестало хватать воздуха. Словно зажатая в тиски, она не могла глубоко вдохнуть. Рука сама потянулась к ручке. Створка окна распахнулась. В лицо пахнул ледяной ветер. По телу прошла дрожь. Девушка обхватила себя руками и вдохнула полной грудью.

«Макс. Сколько ещё ты будешь безжалостно терзать мне душу? Сколько? Не хочу принадлежать тебе! Никому не хочу принадлежать! – думала она. – Но почему-то, кажется, разорвать паспорт намного проще, чем вырвать из мыслей тебя».

Глава 3

– Ты чего пропала? Три дня трубку не брала? – голос Виктора звучал встревоженно. – Спектакли?

– Нет. Учю роль, – Эмма ответила бесцветно, равнодушно, словно друг обращался не к ней.

– Ты дома?

– Да.

– Я сейчас заеду.

– Не нужно. У меня нет ни сил, ни настроения для разговоров.

– Тогда помолчим.

В трубке повисла тишина.

– Приезжай, если тебе хочется.

Когда Виктор вошёл в квартиру, Эмма сидела на смятой постели в светло-голубом тёплом халате и бездумно перелистывала сценарий. Несколько листков упали на пол и сиротливо валялись у её худеньких ног, обутых в пушистые сиреневые тапочки. Волосы девушки были небрежно собраны в хвост, лицо выглядело усталым. Она подняла глаза на вошедшего друга и слабо улыбнулась.

– Ты всё-таки пришёл. Настойчивый. Пойду, чай поставлю.

– Не беспокойся, я ненадолго, – Виктор снял тяжёлые зимние ботинки и куртку, ещё пахнущую морозом, и прошёл в комнату. – Как успехи?

– В чём?

– В зубрёжке, – мужчина пододвинул к кровати стул и расселся на нём, широко расставив ноги. – А у тебя есть ещё какие-то успехи?

– Абсолютно никаких, – Эмма отшвырнула от себя стопку бумаг, лежавших на коленях. Листы разлетелись по комнате. – Надоело. Не могу больше это учить. Пьеса нудная, как зубная боль.

Виктор подался вперёд.

– Эй, всё в порядке? – вкрадчиво спросил он.

Девушка встала на ноги, оправила халат.

– Всё прекрасно, я же ещё по телефону сказала, – раздражённо ответила она.

– Где Дима?

– На работе, как всегда. Где ещё ему быть? Он или на работе, или ни на шаг от меня не отходит.

– Это тебя напрягает?

– Иногда любви бывает слишком много. Кажется, ещё чуть-чуть – и задохнёшься.

– Ты говорила ему об этом?

– Я говорила ему об этом, я ему об этом кричала, я ему об этом плакала. Он не понимает, как можно любить иначе. Думает, я прошу меня разлюбить.

– А тебе бы этого хотелось?

– Возможно, – женщина выдохнула и посмотрела на Виктора. – Давай всё-таки поставлю чайник.

Они сели за стол в маленькой кухне. На стене оглушительно тикали часы. За окном гудели машины.

– Знаешь, я бы ему изменила, чтобы хоть на мгновение почувствовать себя свободной, – ни с того, ни с сего выпалила Эмма.

– Я к твоим услугам, – пошутил её друг и сам рассмеялся.

Девушка даже не улыбнулась, в её красноречивом молчании звучал укор. Виктор сразу затих.

– Зачем тебе эта свобода?

– Чтобы жить своими собственными желаниями. Думать только о себе и не думать о других.

– И каковы твои желания?

– Наверное, чувствовать, пусть иллюзорную, принадлежность себя только себе самой.

А быть может, я просто хочу какими-то новыми эмоциями перекрыть чувства к Максиму и так избавиться от него. Я ощущаю безысходность, чувствую себя беспомощной, уязвимой в этой любви, – Эмма глотнула чаю. – Но вряд ли я хочу именно этого. Думаю, знаешь, для чего мне нужна свобода?

– Для чего же?

– Для успокоения совести, ощущения, что я никому ничего не должна, что я не нарушаю никаких обетов, не причиняю никому боли. Полная свобода, чтобы получить право любить без самоосуждения, без разъедающего душу чувства вины – вот что мне нужно.

– Хочешь подать на развод?

– Нет, не хочу.

– Привычка?

– Это сложно объяснить.

– Попробуй.

– Ох, ладно, сейчас, – Эмма задумалась. – Между нами нет страсти, но это не значит, что не осталось совсем ничего. Мы понимаем друг друга, заботимся друг о друге. Мы очень близкие, преданные друзья. Зачем мне разводиться с человеком, который мне дорог? Ради иллюзии? Я сумасшедшая, но не настолько.

– На самом деле запутанно, но отчасти я тебя понял. погоди, давай ещё кое в чём разберёмся, если ты не против, – Виктор вопросительно посмотрел на подругу, та отрицательно мотнула головой. – За что ты себя винишь?

– За предосудительные чувства к другому мужчине, от которых не могу избавиться.

– Это лишь мысли, ты ещё ничего не сделала, да и не можешь сделать.

– Мысленно я сделала уже слишком много сотни раз. Я состою в браке, Витя, и каждый вечер, сидя с книгой в руках, опрокидываю мысли о Максиме, словно стаканы виски. Я хмелею от любви. От любви не к своему мужу, к другому мужчине. Его лицо, – она прикрыла веки, её ресницы дрожали, – он заполнил всё внутри меня, мне не вырвать его, не искоренить. Считаешь, это не предосудительно? Если бы вместо тебя здесь был Дима, думаешь, его порадовала бы моя исповедь?

– Трудно отвечать за другого человека, поэтому я не стану, – Виктор покачал головой. – Тебе тяжело избавиться от этих мыслей, потому что Макс не человек, он – фантазия. Реального человека ты не знаешь. Конечно, Диме сложно соперничать с ним. Это неравный бой.

– И что мне, по-твоему, нужно сделать, чтобы уравнять их возможности?

– Меньше заниматься самоосуждением. Ты так сильно себя винишь за то, в чём вовсе не виновата и чего изменить не в силах, что не в состоянии поддерживать отношения с человеком, который сейчас находится рядом с тобой, с которым ты не хочешь отношения терять. Расслабься, плыви по течению, жизнь сама принесёт тебя туда, где ты должна оказаться. Своими душевными метаниями ты только терзаешь себя и замедляешь движение. Но гарантирую, в место назначения ты придёшь всё равно. Не знаю, что и, главное, кто ждёт тебя впереди, но это твой путь, и любой его поворот важен и ценен. Просто живи, просто чувствуй, меньше думай, в данной ситуации это всё равно бесполезно.

Эмма взяла друга за запястье и улыбнулась:

– Спасибо, правда.

Глава 4

Апрель 2019 года. Нью-Йорк.

– Это было блестяще, Фред! На меня редко кто-то производит впечатление...

– За исключением той блондиночки со вчерашней вечеринки, – высокий худощавый мужчина в незастёгнутом чёрном пальто и ослепительно-белой рубашке легко толкнул шедшего рядом друга и расхохотался.

– Иди к чёрту, Стив, – друг попытался сохранить невозмутимость, но засмеялся тоже. – Она была изумительно хороша. Это скорее исключение из правил.

– Помнится, на прошлой неделе на тебя произвело впечатление ещё одно очаровательно-изумительное «исключение из правил». Или я ошибаюсь?

– А теперь уж точно иди к чёрту! – Макс звонко рассмеялся. – Мы отклонились от темы. Фред, – он повернулся к плотному мужчине среднего роста с маленькими, горящими какой-то неколебимой внутренней силой глазами и круглой, как шар для боулинга, абсолютно лысой головой. – Я восхищён! Так провести это дело было бы не под силу даже господу богу.

– Ты мне льстишь, дружище, все мы знаем, что успех принадлежит не мне одному, – отозвался Фред.

– Берегись, Фредди, – снова вмешался Стив, – этот скользкий угорь заговаривает тебе зубы, а на самом деле метит на твоё место.

– Стив, ты хоть изредка бываешь серьёзным? – пытаюсь перекрыть шум проезжающих мимо автомобилей, Фред вложил в вопрос всю силу своего громогласного голоса.

– Нет, жизнь слишком коротка, чтобы быть серьёзным, – выкрикнул в ответ неутомимый производитель шуток.

– Адвокат, который постоянно только и делает, что подтрунивает над кем-то, не пользуется большой популярностью.

– А мне и не нужна популярность, – беспечно махнул рукой Стив, подставляя лицо тёплым лучам заходящего весеннего солнца, – на выпивку я себе заработаю, а девчонки и так на шею вешаются.

– Ума не приложу, что они в тебе находят, – вставил Макс.

– Девушки любят грубиянов, что бы там ни говорили.

– Что-то мне подсказывает, что с девушками ты ведёшь себя иначе. Ты хитёр, как старый лис.

– Как и ты, – Стив похлопал друга по плечу, – как и мы все, иначе мы не стали бы адвокатами.

– Как будем праздновать твой триумф? – обратился к Фреду Макс.

– Честно говоря, я бы выпил пива, сидя перед телевизором в своей любимой растянутой футболке.

– Нет, так не пойдёт, – вмешался Стив. – Твоё нежелание веселиться лишает веселья других. Человек – существо социальное, думать нужно не только о своих желаниях, но и о потребностях общества. Макс, ты хочешь развлечься?

– Спрашиваешь, конечно, хочу! Вчерашняя блондиночка в моей памяти уже подёрнулась туманной дымкой, и воспоминание о ней не достигает необходимого градуса приятного волнения. Мне нужны новые впечатления.

– Выходит два против одного, Фред. Ты остался в меньшинстве.

Фред усмехнулся и покачал головой.

– Со мной это не пройдёт, вы же знаете. Вас двое, вы оба жаждете приключений, вперёд, я вам ни к чему.

– Что за радость веселиться без виновника торжества, – возразил Макс. – Не можем же мы праздновать собственную бестолковость.

– Кажется, вы двое никогда не испытывали нехватки в поводах для кутежа, – Фред улыбнулся краешком губ. – И говорить о своей бестолковости может кто угодно, Макс, но только не ты. Ты и сам знаешь об этом не хуже меня.

– Я бестолков и легкомыслен. Твои комплименты совершенно не обоснованы. На этом закроем тему.

– Бестолковый, легкомысленный эмигрант, за восемь лет ставший неплохим адвокатом в Нью-Йорке. Ты успешен, несмотря на свой ужасающий акцент. Я пожелал бы такой бестолковости любому американцу, в том числе и себе. Я нечасто говорю людям такие вещи, и в будущем ты вряд ли услышишь от меня нечто подобное в свой адрес. Вот иди и отпразднуй это. Я нашёл для вас повод.

– Это фортуна всему виной, Фред. Я не вложил в свой успех и сотой доли полагающихся для этого усилий.

– Можешь называть свой интеллект фортуной, удачей, чем угодно, но это не изменит положения вещей.

– Спасибо, Фред. Я почти растрогался, – Макс приобнял друга за плечи.

– Выходит, ты бесповоротно отказываешься идти с нами? – вмешался Стив.

– Да. Прости, брат, я на самом деле устал.

– Умолять тебя не стану.

– А жаль, – рассмеялся Фред.

Они прошли вместе ещё пару сотен метров, выясняя рабочие вопросы и подшучивая друг над другом. Затем Фред вызвал такси. Стив и Макс остались вдвоём.

Солнце медленно провалилось за горизонт. Стало смеркаться. По ярко освещённым, шумным улицам носился ветер. Тянуло сыростью. Пахло кофе и суетой, не прекращающейся здесь даже ночью.

– Куда отправимся? – спросил Стив, оглядывая оживлённый перекрёсток.

– Куда-нибудь, где нет места мыслям.

– Одни обострённые ощущения?

– Именно так.

– Идёт, это по мне. Я знаю здесь неподалёку одно заведение, тебе оно придётся по вкусу.

Глава 5

Горячее слепящее солнце било прямо в лицо. Макс прикрыл глаза рукой. Голова трещала от надоедливой пульсирующей боли. Он пошевелился, пытаясь вернуть ощущение собственного тела, и почувствовал рядом бархатное человеческое тепло. Макс открыл глаза. На соседней подушке, по-детски подложив ладонь под щеку, спала полностью обнажённая девушка. Её густые длинные волосы рассыпались по подушке, маленькая грудь мерно вздымалась и опускалась.

Мужчина осмотрел крохотную, слишком плотно заставленную мебелью комнатку с небольшим окном, из которого виднелись невзрачные крыши соседних домов, и пришёл к выводу, что находится здесь впервые. Стараясь не шуметь, он аккуратно поднялся с кровати и на цыпочках прошёл в кухню, по пути собрав валяющуюся на полу одежду. Через пару минут он уже был одет. Медленно повернув дверной замок, он выскользнул в невзрачный подъезд, а оттуда на улицу. Такие неказистые дома и квартиры последний раз Макс видел на родине, в Беларуси. Наверное, девушка совсем недавно приехала из глубинки попытать счастья в городе мечты, и теперь вынуждена была снимать дешёвое жильё, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Мужчина шёл по улице, на ходу застёгивая лёгкий светлый плащ. Что происходило вечером? Воспоминания были отрывочными, сумбурными. В висках стучала боль. Он поднял руку и остановил такси.

– Кэррол-Гарденс, – выдавил он из себя, рухнув на заднее сидение.

Машина понеслась по суетливым бетонным улицам. Макс посмотрел на часы. 7.25 утра. Этот город постоянно движется, гудит, точно громадный улей. Люди здесь словно забыли, что иногда организму требуется сон и отдых.

Стоя возле блестящей, как начищенные ботинки, тёмно-бордовой двери, он некоторое время раздумывал: не стоит ли всё-таки отправиться домой? Наконец, решившись, мужчина постучал в дверь дважды. В доме не было слышно ни звука. Постояв немного, он уже собрался было уходить, как щёлкнул замок, дверь отворилась, на пороге показался Фред в синей шёлковой пижаме.

– Макс? Ты? – проговорил он, сонно моргая. – Что стряслось?

– Извини за беспокойство. Мне просто нужно с кем-то поговорить, а более рассудительного человека, чем ты, среди моих знакомых нет. Твои ещё спят?

– Да, и дети, и жена, выходной же, – Фред лениво почесал выдающийся вперёд круглый живот. – Можем поговорить в гостиной. Там мы никому не помешаем.

– Спасибо, друг, – Макс шагнул в полутёмную квартиру.

– Выглядишь неважно, – заметил Фред, усаживаясь на огромный диван, стоящий посреди комнаты напротив искусственного камина, – до утра кутили?

– Честно признаться, я не помню, – Макс разместился в кресле и вытянул ноги. – Думаю, нет. Вероятнее всего, мы закончили ночью.

– Неслабо вы повеселились, раз ты даже не помнишь, когда веселье оборвалось.

– Об этом я и хотел поговорить. Только обещаю, что воспримешь мои слова серьёзно. Я ещё не вполне трезв, но даю тебе полный отчёт в том, что делаю и говорю.

– Без проблем, за свою жизнь я слышал слишком много невероятного, меня уже не удивишь. К тому же сохранять серьёзный вид – моё профессиональное качество.

– Я не прошу тебя не смеяться. Я прошу помочь мне разобраться, понять, найти выход.

– Хочешь завязать с пьянством? Весьма удачная мысль.

– Не совсем. Хочу поговорить о его причине.

– Я весь внимание.

Макс заёрзал в кресле, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и глубоко вдохнул.

– Слушай, это нелегко. Не знаю, с чего начать.

– Начинай с того, что больше волнует.

– Окей. Окружающие девушки лишь в первое мгновение пробуждают во мне интерес.

Стоит поговорить с ними пару минут, они перестают вызывать во мне какие-либо эмоции, кроме раздражения или скуки.

– А мужчины?

– Фред, я же просил быть серьёзным!

– Я серьёзен. Это тоже имеет место быть, и, как я заметил, довольно часто.

– Прекрати, причина не в этом.

– Так в чём же?

– В одной девушке.

– Неожиданно. Не понимаю, зачем тогда тебе другие? – удивился Фред.

– Я не хочу думать о ней, хочу переключиться на какую-нибудь другую. Но это не удаётся.

От отчаяния я напиваюсь. В таком состоянии могу любить любую. Затем просыпаюсь утром, вижу рядом ту, с которой провёл ночь, и не чувствую к ней ничего, а к себе лишь отвращение.

– А что с той девушкой? Она тебя отвергла?

– Нет. Я просто её не знаю.

Фред поднял брови.

– Что значит ты её не знаешь? Как тебя понимать?

– А вот теперь, пожалуйста, без шуток.

– Да мне вовсе не смешно. Я уже всерьёз начинаю беспокоиться о твоём душевном здоровье.

– Моя психика в абсолютном порядке.

– Все сумасшедшие так говорят.

– Ну, в относительном.

– Ладно, выкладывай, что там с твоей таинственной незнакомкой, – добродушно отозвался Фред.

– Я вижу её только во сне, – скороговоркой выдохнул Макс и уставился на друга, ожидая реакции.

Вначале Фред медлил, предполагая, что за этими словами последуют другие, более логичные, весомые, реальные. Но когда понял, что этого не произойдёт, откинулся на спинку дивана и стал пристально рассматривать лицо друга. Оно казалось помятым, озабоченным. Но, может, в этом виноваты частые попойки? Фред не мог поверить в подобную наивность и глупость товарища по колледжу, коллеги, не раз демонстрировавшего холодность ума и рассудительность. Ему представилось, что Макс попросту шутит. Не может же он серьёзно говорить о подобных вещах.

Фред пытался совладать с собой, чтобы не расхохотаться сразу же. Он сжал губы и прикрыл рот рукой. Но в его глазах уже скакали озорные искры.

Макс резко встал и подошёл к висящей у камина картине. На ней было пшеничное поле, залитое ярким ликующим солнцем. Посреди поля росло одинокое разлапистое дерево.

– Ты смеёшься надо мной, – с горечью проговорил Макс. – Хотя я сам понимаю, это смешно. Смешно и глупо. Но глупее всего было надеяться, что кто-то может, нет, не понять, воспринять мои слова всерьёз.

Мужчина отвернулся от картины и направился к двери.

– Макс, стой. Я не понял, что ты на самом деле серьёзно, – Фред поднялся с дивана и преградил ему дорогу, – это было похоже на шутку. Извини. Теперь я вижу, история тебя сильно тревожит. Откровенно говоря, я сейчас ничего не понимаю. Ты когда-нибудь видел эту девушку в реальности?

Макс вернулся в кресло.

– Не помню. Кажется, да. Но если это и было, то очень давно. По крайней мере, я не помню самой встречи или обстоятельств, при которых она происходила. Есть лишь какое-то смутное интуитивное ощущение, что встреча была.

– Гм, и что же тебе снится?

– Главное здесь не что снится, а как. Обычно мои сны очень сумбурные. Они словно водоворот: картинок, событий, ярких световых вспышек. В них мало смысла. Всё переплетается, перемешивается в общую кашу, часто даже не разобрать, что к чему. Но она снится мне так чётко и реалистично, будто это она – реальность, будто это она – жизнь, а не то, что происходит со мной каждый день после пробуждения. Сны, в которых есть эта девушка, не имеют примесей чего-то чужеродного, они ни с чем не смешиваются. Когда она говорит или касается меня, это в тысячу раз реальнее, чем прикосновения и слова всех девушек, с которыми я был близок за последнее время, вместе взятых.

– Красивая? – усмехнулся Фред.

Макс пожал плечами.

– У меня были девушки и красивее. Ничего особенного. Большие карие глаза, русые волосы, вздёрнутый носик. Слишком худенькая, никаких пышных форм. Тут дело не во внешности, Фред, – Макс снова вскочил на ноги и, заложив руки за спину, принялся мерить шагами комнату. – Тут нечто другое. Что-то необъяснимое, мощное притягивает меня к ней. Я не знаю, в какой она части света, как её зовут, но чувствую, мы связаны так крепко, что связь эту не разорвать.

– Предполагаю, ты ударился в эзотерику.

– На моём месте ты бы тоже ударился во что угодно, лишь бы как-то для себя объяснить происходящее, лишь бы не ощущать, что теряешь контроль над собой и своей жизнью.

– Контроль... Контроль – это иллюзия. Мы почти ничего не контролируем.

– Но мне хотелось бы эту иллюзию сохранить.

– Давно у тебя эти, хм, сновидения?

– Месяца три-четыре.

– Приличный срок.

– Слушай, как мне от этого избавиться? Я хочу наладить жизнь, нормальную, понятную, здоровую.

– Ты уверен, что хочешь? – Фред испытующе взглянул на друга. – Только давай откровенно.

Макс сжал виски ладонями и зашагал по комнате быстрее. Затем резко остановился и посмотрел на Фреда.

– Честно? – спросил он, буравя друга горящим взглядом.

– Конечно.

– Нет. Кажется, это нечто необыкновенное, случающееся с людьми раз в тысячу лет. Я хотел бы найти её, посмотреть в глаза, услышать голос. А вдруг ей тоже снятся сны, сны, в которых я. Мне кажется, нет, я уверен, она существует, – Макс повернулся к Фреду спиной. – Но как можно найти человека, если не знаешь даже его имени. Где мне искать? Откуда начинать поиски? Это безумие. И потому я каждый день говорю себе, что должен рассуждать здраво, должен выбросить из головы эту блажь, должен избавиться от неё. Понимаешь? – он снова повернулся к Фреду. В его глазах читалась усталость.

– Тебе уже за тридцать. Может, стоит жениться? Женитьба быстро выколачивает дурь из головы. Особенно, когда появляются дети.

– Жениться? На ком?

– На какой-нибудь покладистой красотке. Их у тебя полно.

– И сделать несчастной её и себя вместе с ней, – Макс покачал головой. – Нет уж, это неподходящий вариант. Это не поможет мне избавиться от девушки с янтарно-карими глазами.

– Тогда, быть может, тебе стоит перестать бороться с этим. Возможно, тогда всё прекратится само собой.

– Не искать других девушек, не выкорчёвывать мысли о ней, не сражаться с собой? Плыть по течению?

– Как вариант. Думаю, сны с ней весьма приятные, раз ты ни о ком другом думать не можешь, – лукаво улыбнулся Фред.

– Весьма, – рассмеялся Макс, – хоть и не в том смысле, в котором ты, вероятнее всего, подумал.

– Что ж, тогда наслаждайся, отпусти поводья.

– Я окончательно сойду с ума.

– Все мы немного безумцы.

Глава 6

Тяжелая дверь, выкрашенная тёмно-коричневой краской, со стуком отворилась. В помещение хлынул мягкий свет. Он сочился откуда-то сверху, заполнял всё пространство плотным, почти осязаемым свечением. Сладкий воздух, напитанный ароматом осенних цветов, колыхал ветви растущей у двери рябины. Её гроздь, огромные, сочные, красновато-бордовые, совсем как вишни, нависали над входом. Тонкие, полупрозрачные листья с дрожащими на них каплями росы, обрамляли гроздь, точно королевские опахала.

– Знаешь, что такое любовь? – спросила девушка, шагнув к рябине. Её силуэт в невесомом белом платье почти растворился в окружившем его слепящем сиянии.

Мужчина, смотревший на неё из темноты, не в силах был произнести ни слова, он боялся, что если что-то скажет, она растворится совсем, она исчезнет.

– Любовь – это сияние неба, проникшее в нас. Чем больше его, тем меньше нас. Если сильно-сильно любить, можно стать светом, – девушка повернула к мужчине своё улыбающееся лицо и протянула руку. – Ну же, иди ко мне. Посмотри, как много во мне света, я сама уже почти свет, – она подставила лицо слепящим потокам. – Не бойся, пусть он живёт и в тебе. Возьми.

Девушка разжала ладонь, из неё полились светящиеся струйки. Они плыли по воздуху, наполняя его свечением, они сочились в грудь мужчины, в его лицо, пальцы, ладони. Он ощущал, как изнутри его согревает тепло, мягкое, родное, будто воспоминание о чём-то невероятно счастливым, но давно забытом. Он взял девушку за руку и вдруг почувствовал, как его накрывает волна неизъяснимого восторга, словно он мчитя с высоты на огромных качелях, а в груди дрожит, замирает сердце.

– Это твоя любовь? – спросил мужчина.

– Нет, эта любовь наша.

– Я не знал, что умею любить.

– Любить – это не умение, это узнавание.

– Узнавание кого?

– Того, кого знаешь уже очень давно.

– Теперь мы не расстанемся.

– Мы всегда расстаёмся. Но мы обязательно встретимся вновь.

– Нет, я слишком долго жил без тебя. Теперь, когда мы, наконец, встретились, я буду дураком, если упущу тебя снова!

Девушка протянула руки к свисающей почти к самому её лицу ветке рябины с тяжёлой алой гроздью. Она отломил гроздь и сорвала оливковую кору. Тонкая ветвь блеснула обнажённой белизной. Девушка протянула её мужчине.

– Иногда нужно отпустить, чтобы обрести навсегда.

– Разве бывает «навсегда».

– Нет, – улыбнулась она.

– Времени кроме «сейчас» не существует. И потому я не отпущу тебя ни сейчас, ни потом.

– Не отпускай, – девушка крепко сжала его ладонь. Он почувствовал горькую, тянущую грусть, словно вот-вот должен разлучиться с чем-то бесценно дорогим. Мужчина посмотрел на залитую светом равнину, усыпанную полевыми цветами.

– Мы пойдём к горизонту и будем вместе, пока не свалимся за край неба.

– Но разве это возможно? – изумилась девушка.

– Да, если только верить.

Глава 7

Гул аплодисментов. Смазанные лица рукоплещущих стоя зрителей. Дошатый пол высокой сцены. Ещё один поклон, и можно будет уйти. Главное – улыбаться, открыто, беззаботно. Мальчик лет десяти поднялся на сцену с огромным букетом ромашек. Направился напрямик к Эмме. Глаза его сияли радостной гордостью. Эмма почему-то растерялась, словно получала букет впервые в жизни. Сумбурно поблагодарила, потрепала по соломенной голове. Поклон. Занавес.

– Ты была неподражаема, впрочем, как и всегда, – по случаю спектакля, в котором его жена исполнила главную роль, Дима изменил своим излюбленным джинсам и футболке, облачившись в чёрный костюм. Высокий, статный, зеленоглазый брюнет в элегантном костюме – он выглядел замечательно, и Эмма отметила это в первый же момент, как увидела его в зрительном зале ещё во время спектакля. В то мгновение её больно уколола совесть, почему-то она колола и сейчас.

– Спасибо, – Эмма вымучено улыбнулась, – я жутко устала, поехали домой.

– Я надеялся, ты доставишь мне удовольствие, и согласишься поужинать в каком-нибудь уютном ресторанчике, – проговорил он, понизив голос и склонившись к самому её уху.

– Давай не сегодня, лучше в другой раз, – Эмма невольно отшатнулась от мужа. Ей вдруг стали неприятны лёгкие заигрывания этого мужчины, они вызывали беспокойное, тревожное чувство, от которого становилось не по себе. – Поверь, у меня совсем не осталось сил, – попыталась сгладить напряжение девушка, но слова прозвучали с жалостной мольбой.

Дима ощущал кожей, кончиками пальцев, вздыбившимися волосками на руках – что-то не так. И уже давно. Он старался не подавать виду, вести себя спокойно, естественно, не нервничать по пустякам, не поддаваться беспричинной тревоге. Но холодные глаза жены, движения, когда она, будто в страхе, отшатывалась от него – всё это пугало, больно дёргало что-то скрытое от глаз, что-то спрятанное в груди у самого сердца.

– Приветтики, – раздалось за спиной Димы. – Отличный спектакль! И ты, Эмма, бесспорно великолепна!

– А-а, вездесущий Виктор, – недовольно протянул Дима, – ты всегда где-то поблизости, быть может, мне стоит беспокоиться, – натянута улыбаясь, пошутил он.

– Однажды я уже влюблялся, это меня почти уничтожило, – не задумываясь, выпалил Виктор, – так что больше этого яда хлебать не стану, от него нет противоядия. Можешь не волноваться понапрасну, Дим, от меня уж точно опасности не исходит, – он дружески похлопал мужа Эммы по плечу.

– Я редко волнуюсь, скорее очерчиваю границы своей территории, – ответил Дима. Его губы улыбались, но глаза смотрели неприветливо, твёрдо.

– Давайте выйдем из помещения, – вмешалась Эмма, – театр уже давно опустел, и ваши голоса звучат, как раскаты грома. И прекратите эту глупую перепалку, это смешно.

На улице пахло весной. В ясное синее небо упирались деревья, окруженные нежно-зелёной дымкой. Пели скворцы.

– Пойду, подгоню машину, – сказал Дима и уверенным шагом направился к ближайшему пешеходному переходу.

Виктор и Эмма остались одни.

– Он что-то чувствует. Это ужасно несправедливо по отношению к нему, – опустив голову, произнесла Эмма, – он прекрасный человек и ничем не заслужил обмана.

– А разве ты его обманываешь?

– А разве нет?

– Ты просто не рассказываешь всего.

- Это не одно и то же?
- Зависит от ситуации.
- И какая, по-твоему, ситуация у меня?
- Требующая времени.

Эмма взгляделась в лицо друга.

– Не верю, что ты не представляешь, что такое мучить человека, который тебе дорог, тем, что не можешь дать ему необходимое, желанное, хотя клялся, давать это вечно.

- Ты уверена, что он тебе на самом деле дорог?
- Уверена. Нас многое связывает.
- Взаимные клятвы?
- А если и так? Для тебя они ничего не значат?

– Я никогда не клялся. Не стоит надолго связывать себя обещаниями. А если уж так вышло, полагаю, лучше освободиться.

– Мне ясно, что ты считаешь единственно верным для меня решением развод. Это написано у тебя на лице.

Виктор открыл было рот, чтобы возразить.

– Даже не отрицай. Я не понимаю лишь одного: почему? Почему ты не пытаешься помочь мне сохранить мою семью? Почему прямо или косвенно толкаешь к пропасти? Думаешь, так поступает друг?

– Судя по твоему состоянию, ты уже на краю.

Вернулся Дима.

– Машина возле парка. Идём, – он протянул Эмме раскрытую ладонь, та вяло взяла его под руку, другой рукой прижав к груди букет, словно он мог защитить её душу от сквозняка. – Пока, Витёк, – Дима странно ухмыльнулся.

– До встречи, – ответил Виктор.

Эмма отвернулась, не попрощавшись.

Домой ехали молча, не включая музыки.

– Хочешь чаю или кофе? – спросил Дима, когда супруги вошли в квартиру.

– Нет, хочу лежать и не шевелиться. Больше ничего не хочу, – Эмма упала на кровать, всё так же крепко прижимая ромашки к груди.

Дима принёс вазу с водой, аккуратно достал букет из рук жены и поставил в воду.

– Почему ты не принёс мне цветов?

– Не знаю, – пожал плечами Дима, – не подумал. А тебе хотелось получить от меня цветы?

– Наверное, – Эмма смотрела в потолок, – хотелось бы получить хоть что-то. Кажется, мы в браке так давно, что даже забыли, каково это – волнение перед встречей, влечение.

– Мы в браке не так уж давно, и я ничего не забыл. Думаю, ты говоришь о себе, так будь смелой до конца, вставь местоимение «я». Хочешь сказать, ты меня разлюбила?

– Нет.

– А что тогда?

– Возможно, того, что есть, мне мало.

– Чего же тебе нужно?

– Искры. Я хочу, чтобы вернулось то, что было между нами несколько лет назад, когда мы не замечали ничего вокруг, кроме друг друга.

– Страсть не может длиться вечно, ты сама это знаешь.

– Но она не должна превращаться просто в дружбу.

– Ты для меня больше, чем друг.

– Ты требуешь от меня чувств, которые я уже не могу из себя выжать, но при этом не можешь даже купить мне цветов, сделать приятное, – всплыла Эмма. – Ты говоришь, что

я для тебя не просто друг, ожидая, что я скажу то же. Ты всегда чего-то ждёшь и всегда ждёшь больше, чем я могу дать!

– Я ничего от тебя не жду, – удручённо проговорил Дима.

– Ложь. Я ощущаю это в твоём взгляде, в твоих попытках приблизиться ко мне, в твоих движениях. Твои ожидания меня разрушают. Я чувствую себя словно под прессом, под лупой, когда во мне пытаются выискать то, чего нет... и я чувствую вину.

– За что ты себя винишь? Я ни разу тебя не упрекнул.

– За то, что не могу отдавать то, что отдавать должна.

– Ты ничего мне не должна, – с горечью ответил Дима, – мне этого хотелось бы и мне этого не хватает, но ты не должна. Нельзя взять то, чего нет. Мне просто больно, вот и всё.

– Мне не хотелось причинять тебе боль.

– От этого вовсе не легче.

– Боже, что ты хочешь, чтобы я сделала? – в отчаянии воскликнула Эмма.

– То, чего ты не сделаешь уже никогда – полюбила меня вновь.

Глава 8

– Ох, кажется, пятидесяти копеек не хватает, – Эмма растеряно смотрела в пустой кошелёк, – Давайте уберём что-нибудь. Макароны, например.

– Не нужно, – вдруг встрял в разговор покупатель, стоящий в очереди сразу за Эммой, – я доплачу, – он протянул кассиру монету и подмигнул девушке.

Это был невысокий брюнет средних лет с выразительными карими глазами и крупными даже несколько грубыми чертами лица. Он был хорошо одет и вёл себя вызывающе уверенно.

– Спасибо, но не нужно за меня платить, – возразила Эмма.

– Это всего лишь пятьдесят копеек – сущие пустяки, – настаивал мужчина. – Возьмите, – обратился он к озадаченному кассиру, переводящему взгляд с молодой женщины на дерзкого покупателя.

– Это вовсе не пустяки, и я повторяю, что не хочу, чтобы вы за меня платили, – начала горячиться Эмма. – Убирайте макароны. Чего вы ждёте? – сверкнув глазами на кассира, распорядилась она.

– Не слушайте её, – не переставая улыбаться, сказал мужчина и вновь протянул монету, – держите же.

Кассир окончательно растерялся и теперь не знал, кого слушать.

– Может, вы не будете устраивать разборки на кассе и выясните отношения где-нибудь в другом месте? – негодуяще выкрикнул кто-то из очереди.

Эмма сдалась. Кассир принял монету. Покупки были оплачены. Схватив чек и быстро сунув продукты в пакет, девушка стремительно направилась к выходу. Её лицо пылало от стыда. У самой двери её нагнал всё тот же наглец.

– Вы забыли меня поблагодарить, – сказал он, придерживая дверь.

– Спасибо, но я не просила о помощи.

– Любите выглядеть независимой? Это похвально, мне нравятся самостоятельные женщины.

– Мне совершенно нет дела до того, какие женщины вам нравятся, – язвительно, сквозь зубы проговорила Эмма.

Они вышли на улицу. Было душно. На залитой горячим солнцем парковке пеклись автомобили.

– Невыносимая жара для середины мая, вы не находите?

– Послушайте, – Эмма круто повернулась к навязчивому спутнику, – я не намерена заводить с вами знакомство, оставьте меня в покое.

– У вас тяжелый пакет, разрешите вам помочь. Могу даже подвезти вас до дома, я на машине.

Эмма опешила от такого нахальства и уже не находила слов.

– Не злитесь, вы мне очень понравились, – не отступал мужчина, – я никогда не делал ничего подобного, клянусь.

– Я замужем.

– Да, я знаю. Видел кольцо.

– Вас это не смущает? – удивилась девушка.

– Нисколько. Честно признаться, я тоже женат.

– Ах, вот как, хороши дела.

– У меня есть дочь и две собаки.

– К полной биографии, пожалуй, переходить не станем. Я не хочу продолжать этот странный разговор. Прощайте.

– Стойте! Напишите свой номер телефона.

– Вы в своём уме?

– Конечно, я хочу иметь возможность вам звонить.

– Это смешно.

– Но вы не смеётесь. Раз вы ещё здесь, я всё же вам интересен.

– Какая наглость и самоуверенность!

– Возможно. Но я не отступлю. Вы покорили меня с первого взгляда. Сам не знаю, что со мной произошло, но я так просто вас не отпущу.

– Вы даже не в моём вкусе, – разговор начинал тешить самолюбие девушки, и где-то в глубине души она не хотела, чтобы он прерывался. Ей было приятно внимание этого незнакомца, его неожиданно вспыхнувшая симпатия, даже его настойчивость. Она уже не могла держать оборону так твёрдо и холодно, как это делала вначале. В ней просыпался интерес и жажда новых, давно забытых эмоций.

– Это не имеет совершенно никакого значения. Зато вы определённо в моём. Особенно ваши ноги. Обожаю такие изящные стройные ножки.

– Какие странные пристрастия.

– Дайте ваш номер, я прошу вас.

– Мне не нужны проблемы в семье.

– Их не будет, обещаю, муж ничего не узнает. Я буду звонить только тогда, когда вы позволите. Давайте, я подвезу вас домой, а по дороге вы всё хорошенько обдумаете.

– Нет уж, – рассмеялась Эмма, – я точно никуда с вами не поеду.

– Тогда просто дайте номер, и я провожу вас до остановки.

– Давайте, вы проводите меня, а я пока обдумую, стоит ли давать вам номер телефона.

– Идёт, – обрадовался мужчина. – Я Влад.

– Эмма, – молодая женщина протянула руку.

– Очень приятно, – пожимая маленькую белую ручку, которая полностью скрылась в громадном кулаке, произнёс мужчина. – Давайте перейдём на «ты».

– Давайте, – улыбнулась Эмма.

– У тебя очаровательная улыбка. Кажется, я не встречал девушки красивее. Можно задать бестактный вопрос?

– Попробуй.

– Сколько тебе лет?

Эмма засмеялась.

– Тридцать.

– Фью, – присвистнул Влад, – никогда бы не подумал. Ты выглядишь на двадцать два, на двадцать четыре максимум.

– Благодарю.

– Только глаза у тебя грустные, или это просто жизненный опыт, не пойму.

– Грусть и опыт почти одно и то же.

– Нет, но иногда они идут вместе. Вот и остановка.

– Да, и мой автобус.

К остановке приближалась душная зелёная коробка на колёсах, оклеенная броской рекламой.

– Так что насчёт номера?

Автобус остановился, двери открылись. Эмма направилась вместе с другими людьми к входу.

– Не уверена, что стоит его тебе давать.

– Я всё равно тебя найду, только это займёт больше времени.

– Может, стоит проверить, – девушка уже стояла на ступеньке и вдруг, сама не ожидая от себя, проговорила семь цифр своего номера телефона. Дверь закрылась. Автобус покатил по раскалённому асфальту.

Глава 9

Виктор стоял в полутёмном фойе областного драматического театра, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. В помещении было душно. Он решил подняться по лестнице на второй этаж, но тут увидел Эмму. На ней было летнее голубое платье, доходившее до колен, волосы собраны в пучок. Она спускалась легко и грациозно, словно совсем девчонка.

- А, привет, – улыбнулась Эмма и протянула другу руку, – давненько тебя не было видно.
- Решил быть инициативным и прервать, наконец, молчание.
- Правильно сделал.

Виктор сразу заметил, что Эмма будто летает на крыльях, и дело тут вовсе не в её походке. Лицо подруги было свежим, сияющим, на щеках играл нежный почти девичий румянец. Она и раньше выглядела юной, но сейчас помолодела ещё на несколько лет.

- Как провела эти два месяца?
- Не поверишь, потрясающе, особенно последний.
- Хм, я заметил, это написано на твоём лице. Наладились отношения с Димой?
- Да, с Димой отношения тоже стали чудесными.
- Тоже? Я явно что-то пропустил и что-то очень важное.

Эмма звонко расхохоталась.

- Да, это правда.
- Не хочешь рассказать?
- Ну, не здесь же, – девушка шагнула к двери и выпорхнула на улицу.

Начало лета 2019 года в Гомеле выдалось сухое, жаркое. Над раскалённым асфальтом дрожало зыбкое море. По нему мчались раскалённые автомобили. Пахло пылью. По далёкому синему небу вяло скользили тонкие лоскуты облаков.

Эмма спустилась по лестнице и оказалась на распластавшейся под палящим солнцем площади Ленина. Впереди за высоким забором виднелись зелёные верхушки деревьев центрального парка.

– Пойдём в парк или в кафешке посидим? – обернувшись, спросила она спускающегося по лестнице Виктора.

- Давай купим мороженого и посидим на набережной. Сто лет уже там не был.

Они купили мороженое в маленьком ларьке возле моста, ведущего к аттракционам. Спустились к Лебяжьему пруду, в котором лениво плавал чёрный лебедь, и вышли на набережную. Подул прохладный ветер. Запахло рекой.

– Столько воспоминаний с этим парком связано, – сказала Эмма, усаживаясь на скамейку и любуясь видом. Раскидистые деревья гляделись в прозрачно-голубое зеркало реки, их сочную зелёную листву золотило полуденное солнце. – Помнишь, как ты пел под гитару вон под теми тополями? – женщина указала на одиноко растущие два тополя.

- Конечно, помню.

– Я тогда пришла послушать и долго стояла поодаль, чтобы ты меня не видел. Было интересно наблюдать за тобой. У тебя талант. Чего не продолжил заниматься музыкой?

- Я к этому вернусь. Когда-нибудь.
- Думаю, не стоит ждать удобного момента, он никогда не наступит.
- Возможно. Так что там у тебя? Выкладывай.
- Знаешь, я не собиралась никому рассказывать, – заговорщицки сощурилась Эмма.
- Даже мне?

– Тебе в особенности. Ты предпочитаешь разрушать и строить новое. А я пытаюсь сохранить то, что уже имею.

- Нельзя усидеть на двух стульях.

– Можно и я успешно это делаю.

– Макс? – у Виктора от удивления и неожиданности глаза полезли на лоб.

– Нет, – Эмма, смеясь, схватилась за живот, – видел бы ты сейчас своё лицо! Я даже не думаю о Максе в последнее время.

– Теперь я совсем запутался.

– Ладно, сдаюсь. Слушай, – Эмма сняла кеды и залезла на скамейку с ногами. – Я встретила мужчину. Это произошло совершенно случайно. Он влюбился в меня мгновенно и теперь постоянно мне звонит, осыпает комплиментами и просьбами встретиться. Я пока не решила, стоит ли встречаться, но мне нравится это давно забытое ощущение окрылённости, эйфории, восторга.

– То есть ты влюбилась и променяла своего Макса, а вместе с ним и Диму на какого-то незнакомца.

– Нет, я не влюбилась. Мне просто нравятся эти новые эмоции. Я почувствовала, что ещё могу кому-то понравиться, кто-то может сходить по мне с ума, кто-то, кроме Димы. Эти не затасканные до дыр комплименты, словно глоток бодрящего горячительного напитка. Я чувствую желание другого мужчины, не моего мужа, это возбуждает, заряжает энергией, которой мне так не хватало. Я словно открыла новый источник, из которого могу черпать силы, вдохновение.

– В общем, ты не влюбилась, но позволяешь себя любить.

– Да, наверное так, но я не чувствую, что это зазорно.

– Нет, если это устраивает твоего партнёра... или партнёров. А что с Димой?

– Ты не поверишь, но и с ним отношения стали просто идеальные. Я постоянно счастливая, словно бабочка, порхающая с цветка на цветок, поэтому мне совсем не хочется выискивать в нём недостатки и придирааться. Он тоже счастлив. Сейчас у нас поистине прекрасные взаимоотношения.

– Думаешь, он не догадывается о причине твоего чудесного настроения?

– Думаю, не догадывается. Ты же знаешь, он наивный и доверчивый, как ребёнок.

Но в этом своя сложность.

– Какая же?

– Меня мучает совесть. Он мне доверяет, а я его обманываю.

– Ну, наконец-то, – усмехнулся Виктор, – Эмма вернулась. Я уже начал было побаиваться, что это можешь быть не ты, а твой крайне раскрепощённый и аморальный двойник.

– Очень смешно, – фыркнула Эмма.

– Совсем наоборот. А если серьёзно, ты, как я понимаю, ещё ничего такого не сделала, чтобы чувствовать себя виноватой. Вы же с тем парнем просто общаетесь по телефону? Как его, кстати, зовут?

– Влад, его зовут Влад, – задумчиво проговорила девушка, устремив взгляд куда-то вдаль. – Ты прав, пока я не сделала ничего предосудительного, но мне бы хотелось встретиться с этим парнем, провести с ним время. К тому же, даже это общение мне кажется предательством.

– Зная тебя, предполагаю, что ты готовишь план по очищению совести, раз у тебя такое приподнятое настроение. В противном случае, ты была бы чернее тучи.

– Ты прав, – залилась смехом Эмма, – иногда я удивляюсь, настолько хорошо ты меня знаешь. Да, это эйфорическое состояние мне определённо нравится и совсем не хочется с ним расставаться. Омрачает его только тревога из-за обмана мужа. И я подстелила соломки.

– Так-так, – Виктор, казалось, весь превратился в слух.

– Помнишь, я говорила, что хотела бы изменить Диме?

Виктор кивнул.

– Я не собиралась этого делать. Но я думала о Максе и считала сам этот факт изменой. Вина за это меня грызла изнутри, с этим невозможно было жить. Мне необходимо было оправдать себя, хотя бы перед самой собой. Я начала смотреть лекции о полигамии и тому подобном, читать литературу.

– И как? Много интересного узнала? – уголки губ Виктора поползли вверх.

– Довольно-таки, – вовсе не смутилась Эмма. – Многое стало открытием. Я рассказала о том, что показалось интересным, Диме.

– И как он реагировал?

– С интересом и любопытством, я бы сказала.

– Он просто слишком тебя любит.

– Тут я с тобой не согласна. Думаю, он просто умный человек и сам понимает, что это логичные вещи.

Виктор только неопределённо хмыкнул.

– Потом мне случайно встретился Влад. Всё закрутилось. И теперь я хочу предложить Диме свободные отношения.

Виктор чуть не подавился мороженым.

– И ты думаешь, он согласится?

– Надеюсь.

– погоди, я ещё до конца в себя прийти не могу. Ты меня прям ошаршила. Как ты себе представляешь ваши будущие отношения с мужем?

– Мы договариваемся о том, что приемлемо, а что нет, и придерживаемся уговора. К примеру, и он, и я можем встречаться с другими девушками и парнями. Мы не обязаны сообщать об этом друг другу. Но от этого не должны страдать наши взаимоотношения, и каждый должен выполнять свои обязательства друг перед другом.

– И ты думаешь, отношения страдать не будут?

– Думаю, нет. У нас же будет уговор. Каждый взвесит для себя, что причинит ему боль, а что нет. Мы откажемся от того, что боль причиняет, и разрешим друг другу то, что способны принять.

– Звучит хорошо, но на практике вряд ли будет так гладко. Сложно сказать, что причинит тебе боль, а что нет, если ты этого никогда не испытывал в реальности. К тому же, оба человека должны быть очень зрелыми личностями, чтобы позволить партнёру иметь личную жизнь и не чувствовать себя преданным. Вот тебе бы не было больно, если бы ты знала, что у Димы появилась другая?

– Нет. Я же могу сделать то же самое.

– Я всё равно не понимаю, зачем тебе это? Ты просто могла бы тайно сделать всё, что тебе хочется. Никто ни о чём не узнал бы. Для чего все эти договоры-уговоры?

– Об этом буду знать я. И я буду чувствовать себя паршиво.

– Тебе нужно чьё-то разрешение, вот и всё.

Эмма молчала.

– Признай, уговор ничего не меняет. Действие в любом случае одинаковое: ты в браке и вступаешь в связь с другим мужчиной. Только в одном случае кто-то извне тебе разрешил это сделать, а в другом вся ответственность за поступок и боль, которую он может причинить другому человеку, ложится на тебя. Ты эгоистично, трусливо хочешь переложить ответственность на мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.